НОВЫЕ МЕДИА

Гладкова Анна Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры теории и экономики СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: gladkova_a@list.ru

Гарифуллин Васил Загитович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой национальных и глобальных медиа, Высшая школа журналистики и медиакоммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; e-mail: vasilgarifullin@mail.ru

Рагнедда Массимо, старший преподаватель, факультет социальных наук, Нортумбрийский университет, Ньюкасл-апон-Тайн, Великобритания; e-mail: massimo.ragnedda@northumbria.ac.uk

МОДЕЛЬ ТРЕХ УРОВНЕЙ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)[1]

В статье авторы обращаются к теории трех уровней цифрового неравенства, получившей широкое распространение за рубежом с начала 2000-х гг., но остающейся при этом сравнительно малоисследованным теоретическим подходом в России. Авторы апробируют трехуровневую модель комплексного анализа цифрового разрыва на примере отдельного региона РФ – Республики Татарстан – и исследуют три основных: доступ к Интернету и ИКТ (первый уровень), уровень цифровой грамотности пользователей (второй уровень), уровень социальных преимуществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном использовании цифровых технологий в профессиональной и частной жизни (третий уровень). Исследование показало, что имеющихся в открытом доступе данных недостаточно для того, чтобы делать полноценные выводы о неравенстве трех уровней в республике, что, в свою очередь, акцентирует необходимость в эмпирическом исследовании на базе региона со сбором и интерпретацией первичных данных.

Ключевые слова: *цифровое неравенство, три уровня цифрового неравенства, Татарстан, Россия.*

Anna A. Gladkova, PhD, Senior Researcher, Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: gladkova_a@list.ru

Vasil Z. Garifullin, Doctor of Science, Professor, Head of the Chair of National and Global Media, Higher School of Journalism and Media Communications, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia; e-mail: vasilgarifullin@mail.ru

Massimo Ragnedda, PhD, Senior Lecturer, Department of Social Sciences, Northumbria University, Newcastle-upon-Tyne, Great Britain; e-mail: massimo.ragnedda@northumbria.ac.uk

MODEL OF THREE LEVELS OF THE DIGITAL DIVIDE: CURRENT ADVANTAGES AND LIMITATIONS (AS EXEMPLIFIED BY THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

This paper presents the theory of three levels of the digital divide, which has been widely used abroad since the 2000s for the study of digital inequalities but has not been thoroughly examined by Russian scholars so far. In a case study of the Republic of Tatarstan, the authors use the three-level approach to explore inequalities in access to the Internet and ICTs (the first level of the digital divide), digital skills and digital literacy of users (the second level), and the social benefits users can get by competently using digital technologies in their professional and private life (the third level). The research showed that the open access data the authors examined are not enough for a full understanding of the three-level digital divide in the republic, which in its turn emphasizes the need for an empirical research based on interpreting the primary data collected in the region.

Key words: *digital divide, three levels of the digital divide, Tatarstan, Russia.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172

Введение и обзор литературы

Проблема цифрового неравенства (цифрового разрыва, цифрового раскола; англ. *digital divide, digital inequality, digital gap*) находится в фокусе внимания исследователей уже свыше 20 лет и не теряет своей актуальности. Вместе с тем, как показал краткий анализ работ, проведенный нами для постановки настоящего исследования в более широкий теоретический контекст (van Dijk, 2005, 2013; Attewell, 2001; Castells, 2001, 2009; Norris, 2001; Hargittai, 2002; Вартанова, 2018; Смирнова, 2017а, 2017б; Acharya, 2017; Dahlberg, 2015; Sparks, 2013; Rainie, 2016; Nieminen, 2016; Ragnedda, 2017, 2018; van Deursen, van Dijk, 2018; Vartanova, 2002, 2013; Vartanova and Gladkova, 2019 и др.), за два десятилетия подходы к

пониманию цифрового разрыва претерпели видимые изменения, о которых стоит упомянуть.

Так, традиционный подход к анализу *Глобального цифрового раскола* (*Global digital divide*), берущий свое начало в 2000-х (Norris, 2001; Attewell, 2001 и др.), основывался на идее разрыва между информационно богатыми и бедными странами (*information-rich and poor nations*), включенными в процесс технологического развития или исключенными из него в силу неравномерного доступа к информационно-коммуникационным технологиям и неоднородного развития медиакоммуникационной инфраструктуры (Вартанова, 2018). Цифровое неравенство на данном этапе воспринималось как проблема преимущественно географического характера, и идея раскола фокусировалась в основном вокруг неравномерного доступа к Интернету и цифровым технологиям в разных странах и регионах мира: цифровое неравенство между странами Глобального Севера и Глобального Юга (Servaes and Carpentier, 2006), между развитыми и развивающимися странами (Norris, 2001; Ragnedda and Muschert, 2013), между отдельными регионами мира с учетом факторов социокультурного, экономического, геополитического характера (Смирнова, 2017а, 2017б; Deviatko, 2013; Fuchs and Horak, 2015; Ragnedda and Kreitem, 2018 и др.). Проведенные в рамках данного подхода исследования показали, что разный уровень экономического развития стран и регионов мира, особенности геополитического, социокультурного характера, специфика государственного регулирования и медиаполитики, особенности языкового и этнического состава населения и другие факторы могут иметь влияние как на уровень доступа граждан к ИКТ, так и – впоследствии – на особенности использования ИКТ в этих странах (Ragnedda and Muschert, 2013; Nieminen, 2016; Rainie, 2016; Vartanova, and Gladkova, 2019 и др.).

Вместе с тем уже в начале 2000-х в научном сообществе стало звучать мнение о том, что цифровое неравенство не ограничивается только неравенством в доступе к Интернету и ИКТ. В классическом труде П. Норрис «Цифровое неравенство: гражданское участие, информационная бедность и Интернет» уже в 2001 г. поднимался вопрос о том, «будет ли Интернет усиливать или сокращать разрыв между информационно богатыми и бедными странами и будет ли он увеличивать или уменьшать расколы социального характера в этих странах?» (Norris, 2001: 6). С течением

времени интерес к проблеме цифрового неравенства как к проблеме не только технологического, но и социального характера усилился, акцент в исследованиях сместился на многомерный характер цифрового неравенства, имеющего сложную природу и оказывающего непосредственное влияние на развитие общества. Концепция цифрового неравенства стала предметом междисциплинарного изучения, включающего такие области знания, как социология, политология, экономика, антропология и медиаисследования (Вартанова, 2018; Compaine, 2001). Проведенные в рамках данного подхода исследования выявили корреляции между возрастным (Israelashvili, Kim and Bukobz, 2012; Жеребин, Махрова, 2015), гендерным (Смирнова, 2009; Davaki, 2018) факторами, уровнем образования (Alam, Abdullah, and Ahsan, 2009; Avila, 2009), доходов (Barrantes and Galperin, 2008), личной мотивации пользователей (van Dijk, 2013), с одной стороны, и уровнем доступа к цифровым технологиям, а также спецификой их использования для профессиональных и личных целей – с другой (Compaine, 2001; Nieminen, 2016; Park, 2017; Wessels, 2013). Подобные исследования позволили постепенно отойти от понимания цифрового разрыва как бинарной (и во многом географически детерминированной) проблемы наличия/отсутствия доступа к Интернету и цифровым технологиям и сфокусироваться на ее социальной составляющей.

На современном этапе большинство исследователей сходится во мнении, что говорить о цифровом неравенстве как о неравенстве только технологического характера не вполне корректно. Продолжая идеи, высказанные в труде Э. Харгиттай «Второй уровень цифрового неравенства: различия в интернет-навыках пользователей» (Hargittai, 2002) и в работах других ученых, исследователи все чаще отмечают: даже при схожем уровне доступа к технологиям эффективность и результативность их использования, а также «социальные преимущества, которые пользователи получают при применении технологий и интернет-доступа» (Ragnedda, 2018: 2370), могут быть разными. Под социальными преимуществами, определяемыми также некоторыми исследователями как «видимые результаты» использования технологий (van Deursen and Helsper, 2015: 33), понимаются в данном случае профессиональная успешность человека, более высокий статус в обществе, новые возможности для самореализации, активного участия в жизни общества, проявления своей гражданской позиции и т. д. (Ragnedda,

2018; van Deursen and van Dijk, 2018; van Deursen and Helsper, 2015). То, с какой эффективностью пользователи применяют технологии в своей жизни (при условии, что доступ к ним у них есть), и, соответственно, то, какие социальные преимущества они при этом получают, зависит от целого ряда факторов: мотивации пользователей, их потребности в технологиях, нередко от социодемографических характеристик (в частности, возраста, уровня образования и доходов), а также во многом от наличия или отсутствия у населения цифровых навыков/компетенций для использования Интернета и ИКТ.

Переходя от рассмотрения цифрового неравенства в широком теоретическом контексте к его репрезентации в российской научной практике, отметим два общих тренда. Во-первых, большинство работ, посвященных цифровому расколу в России (Вартанова, 2018; Волченко, 2016; Быков и Халл, 2011; Делицын, 2006; Deviatko, 2013; Rykov, Nagornyy and Koltsova, 2017; Vartanova, 2002, 2013 и др.), носят достаточно широкий теоретический характер и затрагивают вопросы современного информационного общества, цифровой экономики, корреляции между уровнем экономического развития страны и развитием ИКТ, классификаций теорий цифрового неравенства и другие. Лейтмотивом большинства работ является мысль о том, что цифровое неравенство по-прежнему является актуальной проблемой для России, несмотря на широкий спектр мер федерального и регионального характера по преодолению этого разрыва (в их числе федеральная программа по устранению цифрового неравенства, национальная программа «Цифровая экономика РФ» и другие).

Во-вторых, в трудах, посвященных цифровому неравенству в России, за основу чаще всего берется классический подход к пониманию цифрового разрыва как проблемы доступа к цифровым технологиям и Всемирной сети, сопровождаемый анализом того, какие факторы (и как именно) могут влиять на этот доступ. Так, например, И. А. Быков и Т. Э. Халл (2011) показывают в своем исследовании, как наличие доступа к Интернету коррелируется с возрастом респондентов и уровнем их образования. Е. В. Бродовская и Е. В. Шумилова (2013) отмечают взаимосвязь места проживания пользователей, их удаленности от центра и частоты выхода в Интернет. В исследовании О. В. Волченко (2016) проводится анализ корреляций между возрастом, полом, уровнем дохода и образования, типом населенного пункта респондентов и их вовлеченно-

стью в цифровую жизнь. В работе В. М. Жеребина и О. Н. Махровой (2015) показано, что количество времени, проводимое за использованием Интернета, персонального компьютера и телефона, значительно различается у разных возрастных групп. Ряд трудов рассматривают также цифровое неравенство в России в более широком региональном разрезе, анализируя и сопоставляя разные федеральные округа по критериям проникновения Интернета, скорости, стоимости доступа и другим факторам (Deviatko, 2013; Nagirnaya, 2015), при этом акцент чаще всего вновь делается на проблеме доступа или его отсутствия.

В целом, несмотря на интерес исследователей к проблеме цифрового раскола в России, недостаточно освещенными, на наш взгляд, остаются две области: анализ цифрового неравенства как комплексной проблемы технологического и социального свойства, не ограничивающейся только доступом к Интернету, цифровым технологиями и соответствующей инфраструктуре, – то, что сегодня понимается многими исследователями как современный подход к изучению цифрового неравенства; и анализ опыта конкретных регионов России в данном контексте. При этом если первый пункт в целом находит свое отражение в работах российских исследователей – Е. Л. Вартановой, отмечающей динамику подходов к изучению цифрового неравенства и современную попытку «переосмыслить цифровое неравенство и цифровое исключение как значимую социальную проблему» (Вартанова, 2018: 9); О. В. Волченко, говорящей том, что «люди, не использующие Интернет, лишены не просто доступа к абстрактной информации, но и к реальным ресурсам» (Волченко, 2016: 165), и в других публикациях. Число работ, посвященных цифровому неравенству в конкретных областях и округах РФ (см., например, Брагина, Орлова, 2017; Дронов, Махрова, 2015), на сегодняшний день невелико.

Вместе с тем исследование феномена цифрового неравенства на примере отдельно взятых регионов РФ представляется нам сегодня *актуальной* задачей по ряду причин. В первую очередь, мы полагаем, что подобное исследование позволит расширить представление о цифровом неравенстве в России в целом. Принимая во внимание площадь страны, высокую численность населения, многонациональный и мультиэтнический характер российского общества, достаточно высокий уровень автономии субъектов РФ, разный уровень экономического развития регионов России, оказывающий влияние и на уровень развития инфраструктуры в регио-

нах, можно предположить, что цифровой раскол в России является многомерным и многофакторным явлением и его проявление в различных регионах также будет неоднородным.

Во-вторых, изучение отдельно взятых регионов/национальных республик в составе РФ даст возможность в дальнейшем провести более глубокий сравнительный анализ федеральных округов и регионов РФ по уровню доступа к ИКТ, уровню цифровой грамотности пользователей и другим факторам (на сегодняшний день таких компаративных исследований регионов РФ очень мало: см. Кузнецов и Маркова, 2014; Deviatko, 2013; Nagirnaya, 2015; Rykov, Nagornyy and Koltsova, 2017; Gladkova and Ragnedda, 2019), а также, возможно, скорректировать актуальные показатели ряда индексов: индекса интернет-открытости регионов России[2], индекса цифровой грамотности[3], индекса «Цифровая Россия»[4] и других.

В-третьих, интересным представляется анализ опыта регионов России по преодолению цифрового неравенства, который может быть использован для оптимизации программ федерального и регионального уровня по сокращению цифрового разрыва в РФ в будущем. Наконец, мы надеемся, что подобное исследование внесет вклад в широкую теоретическую дискуссию о цифровом неравенстве как о проблеме технологического и – что особенно актуально сегодня – социального характера.

Теоретическая основа исследования

Основной теоретической рамкой исследования является *теория трех уровней цифрового неравенства*, согласно которой цифровой раскол может проявляться на трех основных уровнях: 1) уровне доступа к Интернету и ИКТ; 2) уровне цифровых компетенций пользователей и цифровой грамотности; 3) уровне социальных преимуществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном использовании цифровых технологий в профессиональной и частной жизни.

Само название теории *(three levels of the digital divide)* берет свое начало в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в работах П. Аттевелла (Attewell, 2001), П. Норрис (Norris, 2001), П. ДиМаджио и Э. Харгиттай (DiMaggio, Hargittai, 2001, 2002), позднее разрабатывается А. фан Деурсеном и Й. фан Дейком (Van Deursen, Van Dijk, 2018), М. Рагнеддой (Ragnedda, 2017, 2018) и многими другими исследователями с использованием слова *уровень* (*level*) как устойчивого тер-

мина для описания неравномерного доступа к чему-либо (технологическим ресурсам, ИКТ, информации, знаниям, получаемым посредством Интернета и ИКТ, возможностям пользователей и т. д.).

В зависимости от исследуемого уровня меняется ряд индикаторов, используемых для анализа цифрового разрыва: так, при исследовании первого уровня цифрового неравенства за основу чаще всего берутся количественные данные по аудитории Интернета (ежедневной, еженедельной, ежемесячной – в зависимости от задач исследования), числу абонентов сети Интернет и сотовой связи, уровню проникновения Интернета, скорости и стоимости доступа и т. д. (Deviatko, 2013; Nagirnaya, 2015 и др.). При анализе цифрового неравенства второго уровня акцент смещается на цифровые навыки пользователей – данные по уровню цифровой грамотности, включающей умение быстро найти нужную информацию онлайн, эффективно использовать онлайн-ресурсы в деловых и личных целях и другие факторы (Hargittai, 2002 и др.). При исследовании третьего уровня в фокусе внимания оказываются преимущества, которые пользователи Интернета и ИКТ могут получить в ходе применения цифровых технологий; нередко в данном случае анализируются преимущества онлайн-сервисов и услуг, способных значительно упростить жизнь и сэкономить время (Ragnedda and Kreitem, 2018 и др.), хотя, конечно, спектр преимуществ гораздо шире и не ограничивается только онлайн-услугами.

Несмотря на то что теория трех уровней цифрового неравенства получила довольно подробное освещение в зарубежной научной среде как комплексный теоретический подход к изучению цифрового разрыва (Attewell, 2001; Gunkel, 2003; Hargittai, 2002; Ragnedda, 2017, 2018; Ragnedda and Kreitem, 2018; van Deursen and van Dijk, 2014, 2018; van Dijk, 2005, 2006; Warschauer, 2002, 2004 и др.), в российской научной практике она редко упоминается как самостоятельная теория (см., например, Асочаков, 2015; Волченко, 2016). Акцент в публикациях российских исследователей чаще всего делается на одном или двух уровнях цифрового разрыва (чаще всего первом и/или втором) и упоминания теории трех уровней практически не встречаются.

Задачами исследования, таким образом, являются, во-первых, введение в отечественный научный оборот теории трех уровней цифрового неравенства как комплексного подхода к изучению цифрового раскола и, во-вторых, апробация ее возможностей и ограниче-

ний на материале отдельного взятого региона (Республики Татарстан) с дальнейшей перспективой применения схожей методики при сравнительном анализе других регионов РФ. Представленное исследование носит постановочный характер и в дальнейшем будет продолжено с использованием оригинального эмпирического материала, сбор которого авторы осуществляют в настоящее время.

Добавим, что именно теория трех уровней цифрового неравенства является сегодня, на наш взгляд, наиболее оптимальной моделью комплексного изучения цифрового раскола. Ее основным преимуществом перед другими подходами становится акцент не только на проблеме доступа к Интернету/ИКТ, которая, как мы уже упоминали, находилась в фокусе исследователей на первом этапе изучения цифрового разрыва в мире (Norris, 2001; Attewell, 2001 и др.), но и на социальной природе этого явления – неравенство в навыках, возможностях, преимуществах пользователей в обществе как следствие и результат технологического раскола (Вартанова, 2018; van Dijk, 2013; Ragnedda, 2017, 2018 и др.). Данный факт позволяет использовать теорию трех уровней цифрового неравенства для всестороннего анализа цифрового разрыва и дает возможность исследовать не только особенности доступа к технологиям (первый уровень), но и практики их применения (второй уровень), а также эффекты от использования Интернета и ИКТ для пользователей (третий уровень) – процессы, которые ранее комплексно практически не рассматривались.

Для простоты восприятия и для последующего использования модели трех уровней цифрового неравенства применительно к Татарстану и другим регионам России мы разработали таблицу 1. Подчеркнем, что представленная таблица не фиксирует все возможные индикаторы трех уровней цифрового неравенства, а отражает лишь те, которые чаще всего берутся исследователями за основу при анализе определенных уровней цифрового разрыва (Волченко, 2016; Deviatko, 2013; Nagirnaya, 2015; Hargittai, 2002; Ragnedda and Kreitem, 2018 и др.).

Таблица 1

Возможные индикаторы трех уровней цифрового неравенства

Уровни цифрового неравенства	Возможные индикаторы
Первый уровень	Данные по общей численности интернет-пользователей (широкополосный, мобильный Интернет), числу абонентов сети Интернет, числу домохозяйств, имеющих доступ к Интернету, по уровню проникновения Интернета, уровню проникновения подвижной радиотелефонной (сотовой) связи, средней стоимости доступа в Интернет, средней скорости интернет-соединения, типу и количеству устройств для доступа в Интернет и т. д.
Второй уровень	Данные по цифровой грамотности/уровню цифровых компетенций/навыков пользователей, уровню интернет-открытости региона (применительно к России), данные по мотивации к использованию Интернета и ИКТ с учетом социодемографических характеристик пользователей, практикам использования Интернета и т. д.
Третий уровень	Данные по преимуществам использования Интернета и ИКТ, выражаемые в том числе в динамике и специфике использования онлайн-услуг и сервисов, их адаптации под запросы пользователей, работе электронного правительства, различных возможностях для профессиональной и личностной самореализации пользователей и т. д.

Выборка и методология

В данной работе мы апробируем теорию трех уровней цифрового неравенства для изучения цифрового раскола в отдельно взятой республике РФ – Республике Татарстан. Выбор Татарстана из числа 22 национальных республик в составе РФ не случаен. Согласно статистике, Татарстан является одним из российских лидеров по целому ряду показателей: республика входит в число ведущих регионов России по уровню социально-экономического развития[5], по размеру ВВП[6], по размеру экономики[7] и другим показателям. Еще важнее для настоящего исследования, что Татарстан является одним из наиболее динамично развивающихся регионов России в сфере цифровых технологий и инноваций. В рейтинге регионов по развитию информационного общества в РФ на 2017 г., подготовленном Минкомсвязью, Татарстан занял четвертую строчку, уступив лишь Москве, Тюменской области и Ханты-Мансийскому автономному окру-

гу[8]. В 2014 г. Татарстан занял первое место в стране по доле ИКТ в ВРП на уровне в 3,19%[9]. Общий валовый доход по отрасли информатизации и связи составил в 2017 г. 54,9 млрд руб. (102% от уровня 2016 г. – 53,86 млрд руб.), при этом на информационные технологии приходилась доля в 32,8%[10].

На государственном уровне внедрение и широкое использование инфокоммуникационных и инновационных технологий во всех сферах деятельности, создание единого информационного общества РТ и интеграция республики в глобальное информационное общество отмечаются как приоритетные задачи в «Стратегии развития отрасли информации и связи Республики Татарстан на 2016–2021 годы и период до 2030 года», в республиканской программе «Развитие информационных и коммуникационных технологий «Открытый Татарстан» на 2014–2020 годы» и других документах[11]. Активно осуществляют научную и образовательную деятельность наукоград Иннополис – город-спутник Казани, созданный для развития инновационных высоких технологий и ИКТ, Казанский техникум информационных технологий и связи, казанский технопарк «ИТ-парк», вошедший в 2017 г. в число лучших технопарков России в сфере высоких технологий, и другие организации. Широкое распространение в республике имеют государственные сервисы и услуги, предоставляемые онлайн (региональная система «ЗАГС», «Электронный магазин», «Электронный детский сад» и многие другие). Наконец, именно Татарстан был выбран для апробации пилотного проекта по составлению индекса интернет-открытости регионов России в 2017 г.[12], тестирующего уровень готовности регионов к переходу на цифровое взаимодействие между государством, обществом и бизнесом, что также делает его в определенной степени уникальным регионом России.

Добавим, что наш выбор отчасти был обусловлен отсутствием работ на тему цифрового неравенства в Татарстане в принципе. Большинство известных нам публикаций рассматривают различные аспекты использования ИКТ и цифровых технологий в регионе, в том числе для более эффективной политической коммуникации (Гильманова, 2012; Сыченкова, 2016), для сохранения этнокультурного многообразия полиэтничного региона (Галимова, 2015; Gladkova, 2013), для успешной адаптации СМИ к реалиям новой цифровой среды (Гарифуллин, 2013, 2018; Мухаметзянова, 2015), вместе с тем узкопрофильных исследований, посвященных именно цифровому неравенству в Республике Татарстан, нам об-

наружить не удалось. Исключение составляют публикации, где цифровой раскол рассматривается в широком региональном разрезе и где опыт Татарстана анализируется наряду с опытом других национальных республик РФ (см., например: Кузнецов, Маркова, 2014; Deviatko, 2013; Nagirnaya, 2015; Rykov, Nagornyy and Koltsova, 2017; Gladkova and Ragnedda, 2019). Несмотря на ценность подобных компаративных исследований, они не позволяют рассмотреть кейс Татарстана более детально и актуализируют необходимость отдельного комплексного исследования цифрового раскола в республике.

Принимая во внимание вышесказанное, мы решили, что было бы интересно применить модель комплексного изучения цифрового раскола к региону, где цифровые технологии имеют столь активное распространение и где теоретически проблема цифрового раскола должна находиться на минимальном уровне. В ходе работы нам было интересно проследить, позволяет ли доступная статистика по Республике Татарстан сделать выводы об особенностях цифрового неравенства трех уровней в данном регионе. За основу исследования мы берем ряд индикаторов, чаще всего используемых для анализа трех уровней цифрового раскола (табл. 1), и пытаемся соотнести доступные данные по региону с заявленными индикаторами (осознавая при этом, что в ряде случаев имеющейся статистики по региону может быть недостаточно для полноценного анализа цифрового раскола). Основным *исследовательским вопросом* является вопрос о возможности обеспечения полноценного анализа цифрового неравенства в отдельно взятом регионе с опорой на теорию трех уровней и с использованием открытых данных статистики.

Основным *методом* является метод вторичного анализа данных, преимущественно открытых данных статистики по потреблению Интернета, ИКТ, электронных услуг в Татарстане, а также по цифровой грамотности пользователей. При апробации трехуровневой модели для изучения цифрового разрыва в республике использовались открытые данные Федеральной службы государственной статистики, РОЦИТ, Центра экспертизы и координации информатизации, отчеты Министерства информатизации и связи Республики Татарстан и другие материалы.

В числе лимитирующих факторов отметим поисковый характер исследования, его ориентацию на анализ данных статистики без сбора оригинальной эмпирики и выбор лишь одной республики

для анализа на данном этапе работы. Несмотря на это, мы полагаем, что подобная работа вносит вклад в дискуссию о цифровом неравенстве в России в целом и о факторах, влияющих на цифровой разрыв сегодня, позволяет апробировать теорию трех уровней цифрового неравенства применительно к конкретному региону России (создавая, таким образом, модель комплексного изучения цифрового разрыва, которую в дальнейшем можно применить к другим регионам) и лишний раз подтверждает, что цифровое неравенство сегодня – проблема не только географического разрыва между информационно бедными и богатыми регионами, но и неравенства более сложного социального характера внутри региона.

Цифровое неравенство первого уровня: вопрос доступа к Интернету и ИКТ

Первый уровень цифрового неравенства традиционно связывают с наличием или отсутствием у граждан базового доступа к Интернету, цифровым технологиям, ИКТ, медиакоммуникационной инфраструктуре, который, в свою очередь определяет наличие или отсутствие у граждан доступа к информации, получаемой посредством этих технологий (Вартанова, 2018; Attewell, 2001; Compaine, 2001; van Dijk, 2013 и др.). При анализе первого уровня цифрового раскола за основу чаще всего берутся данные по общей численности интернет-пользователей, числу абонентов сети Интернет, уровню проникновения Интернета, средней стоимости доступа в Интернет, средней скорости интернет-соединения и т. д.

В зарубежном контексте для анализа этих данных применяются базы статистики по конкретной стране (к примеру, по Бразилии это может быть ежегодный отчет *PagBrasil*[13] или статистика более широкого уровня – данные Международного союза электросвязи[14], обобщенные данные по проникновению Интернета в разных странах мира[15], данные *Speedtest Global Index*[16], отчеты *Statista*[17] и *Global Digital Report*[18] и многие другие источники. Отдельное внимание зарубежные исследователи уделяют типу и количеству устройств для доступа в Интернет, связывая эти показатели с уровнем *материального/физического доступа* (*material access*) (van Deursen and van Dijk, 2018). В данном случае нередко используется метод сбора первичных данных в ходе анкетирования, выборка которого является репрезентативной по отношению к населению страны – в случае А. ван Деурсена и Й. ван Дейка

(van Deursen, Van Dijk, 2018) по отношению к населению Нидерландов, использующему разное количество и тип устройств для доступа в Интернет.

В российском контексте для анализа первого уровня цифрового раскола имеет смысл ориентироваться на отчеты ФОМ[19], *GfK*[20], Яндекс[21], *Mediascope*[22] и других компаний, обобщающих и систематизирующих данные по доступу к Интернету в России. Учитывая, однако, что подобные отчеты чаще всего предлагают данные по динамике Интернета в масштабе всей страны, без фокуса на конкретных субъектах федерации (за исключением отчета Яндекса по динамике проникновения Интернета в регионах России), мы взяли за основу базы данных, в которых фигурировал бы именно Татарстан. В частности, это открытые данные Федеральной службы государственной статистики[23], Центра экспертизы и координации информатизации[24], отчеты Министерства информатизации и связи Республики Татарстан[25], а также данные Таттелекома[26] и Ростелекома и другие материалы. Отметим, что список источников может быть расширен, – мы говорим лишь о некоторых базах данных, использование которых кажется нам в данном случае целесообразным.

Попробуем взглянуть, достаточно ли имеющейся статистики для того, чтобы делать выводы о цифровом неравенстве первого уровня в Татарстане. Число абонентов сети Интернет в период с 2013 по 2018 гг. в Татарстане увеличилось в 1,7 раза и на сегодняшний день составляет свыше 4,3 млн чел. при общем населении республики в 3,8 млн чел. При этом наиболее востребованным у населения является мобильный Интернет, число абонентов которого превысило отметку в 3,3 млн чел., в три раза больше числа абонентов фиксированного широкополосного доступа[27]. Общее число пользователей сети Интернет на 100 чел. в республике также растет: 71 чел. в 2014 г., 74 чел. в 2015 г., 80 чел. в 2016 г. и 83 чел. в 2017 г.[28], что, в свою очередь, означает увеличение числа не только контрактов на подключение к сети Интернет, но и реальных пользователей Всемирной сети в республике. Уровень проникновения фиксированного высокоскоростного доступа в Интернет в Татарстане также демонстрирует положительную динамику роста – с 70% в 2012 г. до 76% в 2018 г.[29], как и уровень проникновения сотовой связи, который на сегодняшний день составляет 73%, при общем числе абонентов 6,5 млн чел.[30]

Средняя стоимость фиксированного безлимитного доступа в Казани составляет 388 руб. – ниже, чем в среднем по России (404 руб.). Самый дешевый тариф на фиксированный безлимитный доступ в Интернет в Казани от компании Ростелеком составляет сегодня 350 руб. в месяц[31] (для сравнения – в Москве самый дешевый тарифный план стоит 449 руб. в месяц[32]). В свою очередь, мобильный Интернет в Казани самый дешевый среди всех российских городов-миллионников – в среднем доступ для планшета с 4,3 ГБ включенного трафика обойдется в 222 руб. в месяц (средняя цена по России – 281 руб.)[33]. Скорость Интернета варьируется в зависимости от провайдера и может достигать 200 Мбит/сек (тариф на безлимитный широкополосный интернет-доступ в Казани от Ростелекома[34]) и 500 Мбит/сек (безлимитный Интернет по технологии *GPON* от Таттелекома[35]).

Значительный вклад в преодоление цифрового неравенства первого уровня в Татарстане внесла федеральная программа по устранению цифрового неравенства, реализуемая в России с 2014 г. В сентябре 2017 г. Ростелеком, являющийся исполнителем данной федеральной программы с момента ее запуска, объявил о заключении контракта о сотрудничестве с компанией Таттелеком в области реализации проекта по устранению цифрового неравенства на территории республики. В рамках принятых на себя обязательств республиканский универсальный оператор подготовил инфраструктуру связи и смонтировал 676 точек доступа в Интернет на скорости не менее 10 Мбит/с в малых сельских населенных пунктах Республики Татарстан с численностью жителей от 250 до 500 чел.[36] Кроме того, более 11 тыс. домохозяйств были подключены к широкополосному доступу в Интернет по волоконно-оптическим линиям связи, проложенным в 222 населенных пунктах республики[37].

В целом, на наш взгляд, имеющейся статистики по региону достаточно для того, чтобы делать выводы о первом уровне цифрового неравенства в Татарстане, которое сегодня если не полностью ликвидировано, то находится на минимальной возможной границе.

Цифровое неравенство второго уровня: вопрос наличия цифровых навыков

В отличие от цифрового неравенства первого уровня, ключевым вопросом которого являлось наличие или отсутствие доступа к Интернету, цифровым технологиям и ИКТ, неравенство второго

уровня имеет более сложную природу. Как неоднократно отмечали исследователи, простое наличие доступа к Интернету не гарантирует, что граждане будут реально его использовать. Спектр причин, по которым это может не происходить, многогранен, в их числе, к примеру, факторы социодемографического характера: корреляции между возрастом, полом, этнической принадлежностью, уровнем доходов граждан и т. д. и активностью использования ими ИКТ (Colombo, Aroldi and Carlo, 2015; Poushter, 2016; Vartanova and Gladkova, 2019 и др.), отсутствие мотивации и/или потребности у граждан использовать интернет-технологии (van Dijk, 2005; van Deursen and van Dijk, 2014 и др.) и многие другие причины. В рамках теории трех уровней цифрового неравенства, на которую мы опираемся, за основу берется наличие или отсутствие у пользователей специальных цифровых навыков использования Интернета, а также цифровой грамотности – способности использовать ИКТ для поиска, понимания, оценки, создания и передачи цифровой информации[38] в профессиональных и личных целях. На практике недостаток цифровых навыков и цифровой грамотности *выключает* пользователей из глобального информационного пространства даже при решении проблемы доступа (первый уровень цифрового неравенства) (Hargittai, 2002) и углубляет цифровое неравенство, переводя его на уровень неравенства между теми, кто использует ИКТ, но делает это с большей или меньшей эффективностью.

В зарубежном контексте при анализе второго уровня цифрового раскола чаще всего за основу берутся данные, полученные в ходе эмпирических исследований: в классическом труде Э. Харгиттай (Hargittai, 2002), например, измерялась способность пользователей эффективно находить информацию в Интернете, а в более современных исследованиях М. Бючи, Н. Джаст и М. Латцера (Büchi, Just and Latzer, 2016) и других проводится компаративный анализ практик использования Интернета в разных странах мира. Выборка, используемая в данных исследованиях, чаще всего репрезентативна по отношению ко всему населению страны либо к определенным группам, выбранным по социодемографическим или географическим параметрам. В ряде случаев делаются также попытки измерить уровень цифровой грамотности с помощью специальных индикаторов, разрабатываемых, например, ЮНЕСКО *(Digital Literacy Index*[39]*)*, однако, как показывает обзор публикаций (van Dijk, 2005; van Deursen and van Dijk, 2014 и др.), метод эмпи-

рических исследований навыков и компетенций пользователей по-прежнему остается ключевым в контексте изучения цифрового разрыва второго уровня.

Из-за отсутствия первичных данных для анализа мы обратились к индексу цифровой грамотности[40] (включает в себя три субиндекса – цифрового потребления, цифровых компетенций, цифровой безопасности[41]), измеряемому с 2015 г. для различных федеральных округов России. По данным исследования, в 2018 г. общий уровень цифровой грамотности в Приволжском федеральном округе составил 2,31 пункта по десятибалльной шкале (-47,74% по сравнению с данными 2017 г.). По субиндексу цифрового потребления Приволжский федеральный округ занимает шестое место из восьми федеральных округов России (3,13 пунктов), по субиндексу цифровых компетенций – седьмое (3,19 пунктов), по субиндексу цифровой безопасности – восьмое (0,37 пунктов)[42]. Мы осознаем, что было бы не вполне корректно экстраполировать результаты исследования цифровой грамотности в масштабе федеральных округов на конкретную республику в составе федерального округа. Тем не менее мы полагаем, что полученные данные позволяют составить некоторое представление об уровне цифровой грамотности и цифровых навыков пользователей, проживающих на определенной территории внутри федерального округа, в данном случае в Республике Татарстан.

Данные индекса интернет-открытости Республики Татарстан, речь о котором уже шла ранее (4,53 пункта по десятибалльной шкале на момент проведения исследования в 2017 г.), в определенном смысле коррелируются с данными индекса цифровой грамотности. Так, исследование показало, что четверть опрошенных жителей Татарстана никогда не пользовалась Интернетом и чуть менее 40% за последний год ни разу не пользовались в личных целях государственными услугами онлайн[43]. Уровень осведомленности бизнес-экспертов о том, что региональные и местные органы власти осуществляют информационную поддержку бизнеса в регионе онлайн, также находится на критически низком уровне: 63% респондентов заявили, что ничего не знают и не слышали об этом[44]. Принимая во внимание стабильную динамику Татарстана по развитию цифровых технологий и интернет-доступа (см. первый уровень цифрового неравенства), мы склонны предположить, что цифры свидетельствуют не столько о низком уровне интернет-открытости региона, сколько о дефиците цифровых компетенций

населения, что, в свою очередь, косвенно подтверждается низкими результатами Приволжского федерального округа по субиндексу цифровых компетенций.

Нам представляется, что имеющиеся данные не позволяют в полной мере говорить о наличии или отсутствии цифрового неравенства второго уровня в Республике Татарстан. В силу недоступности данных по индексу цифровой грамотности в конкретных республиках РФ, мы были вынуждены ориентироваться на данные по Приволжскому федеральному округу, что, конечно, не означает, что аналогичные показатели по Татарстану были бы им идентичны. Добавим также, что имеющиеся данные по уровню цифровой грамотности и уровню интернет-открытости региона датируются 2017 г. (за 2018 и 2019 гг. данных нам обнаружить не удалось), что также не позволяет делать полноценные выводы о специфике второго уровня цифрового разрыва в Татарстане.

Цифровое неравенство третьего уровня: вопрос социальных преимуществ пользователей

Цифровое неравенство третьего уровня является наименее изученной отраслью, и число публикаций, посвященных ему, пока довольно ограниченно (Ragnedda, 2017, 2018; Ragnedda and Kreitem, 2018; van Deursen and Helsper, 2015 и др.). Ключевой идеей третьего уровня цифрового неравенства является идея о преимуществах профессионального и личного свойства, которые пользователи могут получить при грамотном и полноценном применении ИКТ, – то, что А. ван Деурсен и Э. Хелспер (Van Deursen, Helsper, 2015) называют *tangible outcomes* (видимые результаты), а М. Рагнедда (Ragnedda, 2017, 2018) определяет как *benefits* (преимущества). Предполагается, что пользователи, *выключенные* из глобального информационного пространства из-за отсутствия у них доступа к Интернету и ИКТ или необходимых цифровых навыков, оказываются в менее привилегированном положении в обществе по сравнению в теми, у кого доступ и цифровые навыки есть, – как в широком смысле (меньше возможностей для самореализации и саморазвития, повышения своего статуса в современном информационном обществе и т. д.), так и в более практическом смысле (меньше возможностей для оптимизации личной и профессиональной жизни посредством цифровых технологий, экономии времени и трудозатрат и т. д.).

На сегодняшний день исследования цифрового неравенства третьего уровня носят в основном теоретический характер. Исследователи обозначают плюсы/преимущества доступа к цифровой среде и рассматривают их проявления в определенных контекстах – как, к примеру, в работе М. Рагнедды и Х. Крейтем (Ragnedda and Kreitem 2018), где третий уровень цифрового неравенства исследуется через анализ практик использования гражданами сервисов *eGovernment, eHealth, eCommerce* (Ragnedda and Kreitem, 2018: 13–21). При этом отметим, что само понятие *преимущества* имеет достаточно субъективный характер и едва ли может быть зафиксировано посредством количественных методов, учитывая, что специфика использования одних и тех же сервисов может разниться в плане частоты, интенсивности, вовлеченности пользователей в онлайн-практики, производимого эффекта и других факторов. Еще одним вектором изучения цифрового неравенства третьего уровня за рубежом является концепция цифрового капитала (Park, 2017; Ragnedda, 2017, 2018 и др.), анализирующая доступ и практики использования ИКТ как ресурса получения выгод, преимуществ, новых возможностей в обществе (в данном контексте исследователи анализируют также корреляции между социальным и цифровым капиталом пользователей (Ragnedda, 2018)).

Так как эмпирических исследований третьего уровня цифрового раскола к настоящему моменту немного (в качестве исключения приведем исследование цифрового капитала граждан Великобритании, которое проводится авторами в настоящее время и которое мы рассчитываем в ближайшей перспективе экстраполировать на граждан России), мы предлагаем взглянуть на третий уровень цифрового неравенства в Татарстане через призму доступной статистики по использованию электронных сервисов и услуг в регионе.

Так, широкой популярностью в Республике Татарстан пользуется сегодня Портал государственных и муниципальных услуг[45], максимально адаптированный под запросы местных жителей и предлагающий доступ к 248 электронным услугам и сервисам. На портале зарегистрированы более 2,2 млн личных кабинетов пользователей. Если учесть, что в Татарстане проживают 3,8 млн человек, 2,4 млн из которых являются трудоспособными, можно сказать, что Портал востребован у 92% трудоспособного населения республики[46]. Добавим, что за период с января по сентябрь 2018 г.

жители республики получили более 133 млн электронных услуг – на 72% больше, чем за аналогичный период 2017 г.[47]

Большое внимание в Республике Татарстан уделяется также работе портала правительства[48], в рамках которого у граждан есть возможность оперативно связаться со всеми министерствами и ведомствами. Каждый муниципальный район Татарстана имеет свой интернет-портал (всего более 200), регулярно дается информация о работе правительства, имеется интернет-приемная, обеспечивающая диалог между гражданами и органами власти. Высокой популярностью в республике пользуется Государственная информационная система «Народный контроль»[49], функционирующая с апреля 2012 г. В настоящий момент обращения в системе принимаются по 62 категориям различных сфер деятельности. Значимой функцией системы «Народный контроль» является участие граждан в оценке эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также иных организаций Республики Татарстан. За время работы системы по всем категориям опубликовано более 116 тыс. обращений, 82% из которых были удовлетворены.

Еще одной информационной системой, пользующейся популярностью у жителей региона, является Государственная информационная система «Народный инспектор»[50] (функционирует с ноября 2014 г.). Основной целью ГИС является подача обращений о наличии административного правонарушения в области дорожного движения при помощи мобильных устройств и использования данной информации при производстве по делам об административных правонарушениях. Успешно реализована также в республике информационная система «Социальный регистр населения Республики Татарстан», которая позволяет осуществлять работу сотрудников органов социальной защиты и социального обслуживания населения.

Важно также отметить, что в целях более эффективной работы многие сервисы успешно адаптируются под запросы пользователей. Это касается, прежде всего, использования родных языков в сфере электронного документооборота. Так, учитывая пожелания граждан, многие министерства и ведомства ввели оказание ряда государственных услуг дополнительно на татарском языке. Например, в 2017 г. для пользователей в татарской версии стало доступным официальное мобильное приложение Портала государственных и муниципальных услуг РТ – «Услуги РТ»[51]. Официальные сайты министерств и ведомств также ведутся на двух языках, на некоторых из них реализуется оказание услуг гражданам на обоих языках.

Третий уровень цифрового неравенства, безусловно, не ограничивается только возможностями для оптимизации личной и профессиональной сфер жизни посредством использования онлайн-сервисов и услуг, а имеет более глубокую природу. Тем не менее мы полагаем, что имеющихся данных по популярности и востребованности онлайн-услуг, а также их доступности для граждан региона в целом достаточно для того, чтобы говорить об отсутствии существенного разрыва на третьем уровне цифрового неравенства в Татарстане (видимые результаты от включенности в цифровую среду).

Заключение

Как подтверждает данное исследование, цифровой раскол сегодня является сложным многофакторным явлением, не ограничивающимся только расколом между теми, кто имеет доступ к Интернету, цифровым технологиями и соответствующей инфраструктуре, и теми, у кого такого доступа нет (так называемые *haves/have-nots*) (DiMaggio and Hargittai, 2001). Традиционный подход к цифровому неравенству как к проблеме технологического характера, во многом определяемой спецификой региона (то, что Й. ван Дейк определяет как *макроуровень стран* – развитых и развивающихся, Севера и Юга) (van Dijk, 2013: 30), сегодня уступает место комплексному подходу к пониманию неравенства, в том числе в рамках конкретного региона, например Татарстана, где цифровой раскол второго уровня довольно очевиден, особенно по сравнению с первым и третьим. В данном случае мы согласны с Е. Л. Вартановой, говорящей о динамичной природе цифрового раскола и утверждающей, что «новые цифровые среды <...> формулируют более сложные вопросы о том, как цифровые медиа влияют на будущие возможности людей и к каким дальнейшим цифровым разрывам они могут привести» (Вартанова, 2018: 11). Под будущими разрывами, как нам кажется, имеются в виду неравенства более сложного социального характера, не ограничивающиеся только разницей в доступе или в цифровых навыках пользователей (эти два аспекта сегодня как раз достаточно успешно преодолеваются в разных странах мира, в том числе в России) (Nieminen, 2016: 30). На примере Республики Татарстан мы показываем, что цифровое неравенство сегодня – это сложный многоуровневый феномен, рассматривать который следует в комплексе разных факторов, а не только через призму бинарного разрыва между наличием или отсутствием доступа граждан к Интернету и ИКТ.

Продолжая разговор о конкретных результатах исследования, отметим, что теория трех уровней цифрового неравенства в целом, на наш взгляд, подходит для изучения цифрового раскола в российских регионах. Основной проблемой, однако, является отсутствие актуальных данных статистики по всем трем уровням цифрового раскола применительно к конкретным регионам России. В ходе работы мы столкнулись с ситуацией, когда данные по конкретной республике либо отсутствуют вовсе (вместо них существует статистика по Приволжскому федеральному округу, не позволяющая делать выводы именно о Татарстане), либо их недостаточно, либо они не обновлялись на протяжении нескольких лет (как, например, данные по индексу цифровой грамотности регионов). Исследование показало, что данные по первому уровню цифрового неравенства сегодня представлены в открытых источниках максимально полно (в отличие от второго и третьего уровней цифрового раскола, которые разработаны на сегодняшний день гораздо меньше). Частично эту проблему могло бы снять эмпирическое исследование со сбором первичных данных – к примеру, в контексте изучения цифровых навыков пользователей (второй уровень) или популярности/востребованности/особенностей использования ИКТ и онлайн-сервисов (третий уровень) в конкретном регионе. Это и должно стать следующим этапом нашей работы применительно к Татарстану и ряду других регионов.

В заключение повторим, что цифровое неравенство является сложным и многоаспектным явлением, не ограниченным наличием или отсутствием доступа к Интернету и ИКТ в конкретном регионе. Все большее внимание исследователи уделяют второму и третьему уровням цифрового неравенства: взаимосвязи цифрового и социального неравенства, влиянию цифровой *включенности* на положение человека в обществе, его возможности для самореализации и более активного участия в жизни общества (Вартанова, 2018; Nieminen, 2016; Ragnedda, 2017; van Deursen and Helsper, 2015; van Dijk, 2013; Wessels, 2013). Мы надеемся, что апробация комплексного подхода к рассмотрению цифрового неравенства в Республике Татарстан с использованием теории трех уровней цифрового неравенства позволит нам в дальнейшем использовать этот подход при изучении других регионов России и составлении комплексного компаративного анализа цифрового раскола в межрегиональном масштабе, актуальность которого, на наш взгляд, сегодня высока.

Примечания

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (проект № МК-1102.2018.6)

[2] https://rocit.ru/news/index-december

[3] http://цифроваяграмотность.рф

[4] https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Short_2018-10_ru.pdf

[5] Reiting sotsialno-ekonomicheskogo polozheniya subjektov RF po itogam 2017 goda. (2018). Rossiya Segodnya. URL: http://www.riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html

[6] Kakie regiony sformirovali bolshuyu chast rossiskoi ekonomiki. (2018). URL: https://www.rbc.ru/economics/19/09/2018/5ba1182d9a794772d85103fb

[7] Reiting sotsialno-ekonomicheskogo polozheniya subjektov RF po itogam 2017 goda. (2018). Rossiya Segodnya. URL: http://www.riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html

[8] https://iecp.ru/news/item/412481-minkomsvyaz-predstavila-reyting-informatizatsii-regionov-2017

[9] https://rocit.ru/news/innopolis

[10] http://d-russia.ru/itogi-razvitiya-ekonomiki-otrasli-informatizatsii-i-svyazi-respubliki-tatarstan-v-2017-godu.html

[11] http://mic.tatarstan.ru/file/File/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B8%20%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B8%20%D1%81%D0%B2%D1%8F%D0%B7%D0%B8%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A2%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%B4%20%D0%B4%D0%BE%202030%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf

[12] https://rocit.ru/news/index-december

[13] https://www.pagbrasil.com/noticias/digital-in-2019-brazil/

[14] https://www.itu.int/ITU-D/ict/dai/upper.html

[15] https://www.internetworldstats.com/top25.htm

[16] http://www.speedtest.net/global-index

[17] https://www.statista.com/

[18] https://digitalreport.wearesocial.com/

[19] http://fom.ru/SMI-i-internet/13999

[20] https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii/.

[21] https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016

[22] https://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2018&captcha_code=06c4cc1784b333eac20fc7815c8e0f34&captcha_word=E82KF&set_filter=Y.

[23] ww.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/mon-sub/2.6.7.xlsx

[24] https://www.цэки.рф/analytics/17

[25] http://tatcenter.ru/news/v-tatarstane-naschitali-3-4-mln-polzovatelej-mobilnogo-interneta/

[26] https://tattelecom.ru/internet/gpon/GPON500?cityV=%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C

[27] http://tatcenter.ru/news/v-tatarstane-naschitali-3-4-mln-polzovatelej-mobilnogo-interneta/

[28] ww.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/mon-sub/2.6.7.xlsx

[29] https://www.tatar-inform.ru/news/2018/02/15/598032/

[30] http://tatcenter.ru/news/v-tatarstane-naschitali-3-4-mln-polzovatelej-mobilnogo-interneta/

[31] https://kazan.rt.ru/homeinternet/order_internet

[32] https://moscow.rt.ru/homeinternet/order_internet

[33] http://tatcenter.ru/news/internet-v-kazani-chto-nuzhno-znat-o-polzovatelyah-seti/

[34] https://kazan.rt.ru/homeinternet/order_internet

[35] https://tattelecom.ru/internet/gpon/GPON500?cityV=%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C

[36] http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Программа_по_устранению_цифрового_неравенства_в_России

[37] https://www.tatar-inform.ru/news/2018/02/15/598032/

[38] https://districtdispatch.org/wp-content/uploads/2013/01/2012_OITP_digilitreport_1_22_13.pdf

[39] https://www.g20-insights.org/policy_briefs/bridging-digital-divide-measuring-digital-literacy/

[40] http://цифроваяграмотность.рф

[41] http://цифроваяграмотность.рф/mindex/program/

[42] http://цифроваяграмотность.рф/mindex/2018/volga/

[43] https://rocit.ru/news/iio-tatarstan

[44] Там же.

[45] https://uslugi.tatarstan.ru

[46] http://mic.tatarstan.ru/rus/pr.htm/press-release/4409387.htm

[47] Там же.

[48] http://prav.tatarstan.ru

[49] https://uslugi.tatarstan.ru/open-gov

[50] http://mic.tatarstan.ru/gis-narodniy-inspektor.htm

[51] http://rt-online.ru/mobilnoe-prilozhenie-uslugi-rt-perevedeno-na-tatarskij-yazyk/

Библиография

Асочаков Ю. В. «Цифровая либерализация», «цифровое неравенство» и киберскептицизм // Вестн. Санкт-Петербургск. гос. ун-та. Сер. 12. 2015. № 2. С. 93–99.

Брагина Е. М., Орлова Д. С. (2017) Преодоление цифрового неравенства в условиях Крайнего Севера (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 3 (51). Режим доступа: https://eee-region.ru/article/5107/ (дата обращения: 17.06.2019).

Бродовская Е. В., Шумилова О. Е. Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 5–18.

Быков И. А., Халл Т. Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–163.

Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10

Вартанова Е. Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // МедиаАльманах. 2018. № 5. С. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.812

Галимова Р. Р. Современное развитие татароязычного интернет-пространства в Республике Татарстан // Информационное поле современной России: практики и эффекты: сборник статей XII Международной научно-практической конференции / науч. ред. *В. З. Гарифуллин*; автор-сост. *Р. П. Баканов*; под ред. *Р. П. Баканова*. Казань: Казанск. (Приволжск.) фед. ун-т, 2015.

Гарифуллин В. З. Место и роль мусульманских СМИ в информационном поле Татарстана // Журналист. Социальные коммуникации. 2013. № 1. С. 120–125.

Гарифуллин В. З. Национальные СМИ Татарстана в условиях глобализации информационного пространства // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: материалы Международной научно-практической конференции / сост. *О. Ф. Автохутдинова*. Екатеринбург: Уральск. фед. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018.

Гильманова А. Н. СМИ и новые информационные технологии в политических процессах Республики Татарстан. Казань: Изд-во ТАИ, 2012.

Делицын Л. Л. Проблема цифрового неравенства и потенциал развития Интернета в России // Информационные процессы. 2006. № 2. С. 124–130.

Дронов В. Н., Махрова О. Н. Цифровое неравенство Рязанской области. СПб: Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та управления и экономики, 2015.

Жеребин В. М., Махрова О. Н. Цифровой раскол между поколениями // ФЭС: Финансы экономика стратегия. 2015. № 4. С. 5–9.

Кузнецов Ю. А., Маркова С. Е. Некоторые аспекты количественной оценки уровня цифрового неравенства регионов Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 33. С. 12–23.

Мухаметзянова Р. Р. Визуальные средства продвижения СМИ Татарстана в социальных медиа // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2015. № 5. С. 152–157.

Смирнова О. В. Феминизация Интернета: тенденции и прогнозы // Медиаскоп. Вып. 1. 2009. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/феминизация-интернета-тенденции-и-прогнозы (дата обращения: 17.06.2019).

Смирнова О. В. Цифровое неравенство в национальном контексте стран СНГ // Век информации. 2017а. № 2. С. 237–238.

Смирнова О. В. Цифровое неравенство в странах СНГ: актуальные подходы к анализу ситуации // МедиаАльманах. 2017б. № 6. С. 26–33.

Сыченкова А. В. Интернет-технологии в политической жизни региона (на примере Республики Татарстан) // *PR* и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2016. № 15. С. 62–71.

Acharya B. (2017) Conceptual evolution of the digital divide: A systematic review of the literature over a period of five years (2010–2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 1: 41–74.

Alam S.S., Abdullah Z., Ahsan N. (2009) Cyber café usage in Malaysia: An exploratory study. *Journal of Internet Banking and Commerce* 14 (1): 1-13.

Attewell P. (2001) The first and second digital divides. *Sociology of Education* 74 (3): 252–259.

Avila A. (2009) Underdeveloped ICT areas in Sub-Saharan Africa. *Informatica Economica* 13 (2): 136–146.

Büchi M., Just N., Latzer M. (2016) Modeling the second-level digital divide: A five-country study of social differences in Internet use. *New Media and Society* 18 (11): 2703-2722. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1461444815604154

Castells M. (2001) *The Internet galaxy*. Oxford: Oxford University Press.

Castells M. (2009) *Communication power*. Oxford: Oxford University Press.

Colombo F., Aroldi P. & Carlo S. (2015) New elders, old divides: ICTs, inequalities and well-being amongst young elderly Italians. *Comunicar* 23 (45): 47–55.

Compaine B. (2001) *The digital divide: Facing a crisis or creating a myth?* Cambridge, MA: MIT Press.

Dahlberg L. (2015) Expanding the digital divides research: A critical political economy of social media. *The Communication Review* 18 (4): 271–293. DOI: https://doi.org/10.1080/10714421.2015.1085777

Davaki K. (2018) *The underlying causes of the digital gender gap and possible solutions for enhanced digital inclusion of women and girls*. Available at: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU(2018)604940_EN.pdf (accessed: 17.06.2019).

Deviatko I. (2013) Digitizing Russia. The uneven pace of progress towards ICT equality. In M. Ragnedda & G. W. Muschert (eds.) *The digital divide. The internet and social inequality in international perspective*. NY: Routledge. Pp. 118–133.

DiMaggio P. & Hargittai E. (2001) From the 'digital divide' to 'digital inequality': Studying Internet use as penetration increases. Princeton University. Working papers series. Available at: https://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15%20-%20DiMaggio%2BHargittai.pdf (accessed: 17.06.2019).

Fuchs C., Horak, E. (2008) Africa and the digital divide. *Telematics and Informatics* 25: 99–116. DOI: 10.1016/j.tele.2006.06.004

Gladkova A. (2013) Cultural pluralism in Russian press: Challenges and prospects of development. *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*: 325–333.

Gladkova A., Ragnedda M. (2019) *Mapping digital divide across Russian regions (forthcoming)*

Gunkel D. J. (2003) Second thoughts: Toward a critique of the digital divide. *New Media & Society* 5 (4): 499–522.

Hargittai E. (2002) Second level digital divide: Differences in people's online skills. *First Monday* 7 (4). Available at: https://firstmonday.org/article/view/942/864 (accessed: 17.06.2019).

Israelashvili M., Kim T., Bukobz G. (2012) Adolescents' over-use of the cyber world – Internet addiction or identity exploration? *Journal of Adolescence* 35 (2): 417–424.

Nieminen H. (2016) Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication* 31 (1): 19–32. DOI: https://doi.org/10.1177/0267323115614198

Norris P. (2001) *The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887

Park S. (2017) *Digital capital*. London, United Kingdom: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0

Poushter J. (2016) *Smartphone ownership and Internet usage continues to climb in emerging economies*. Washington, D.C: Pew Research Center. Available at: http://www.pewglobal.org/2016/02/22/smartphone-ownership-and-internet-usage-continues-to-climb-in-emerging-economies/ (accessed: 17.06.2019).

Ragnedda M., Muschert G.W. (eds.) (2013) *The digital divide: The Internet and social inequality in international perspective*. New York, NY: Routledge.

Ragnedda M. (2017) *The third digital divide: A Weberian approach to digital inequalities*. Routledge.

Ragnedda M. (2018) Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics* 35: 2366–2375. DOI: https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006

Ragnedda M., Kreitem H. (2018) The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 4: 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1

Rainie L. (2016) *The digital divides 2016*. Washington, D.C: Pew Research Center. Available at: http://www.pewinternet.org/2016/07/14/digital-divides-2016/. (accessed: 17.06.2019).

Rykov Y., Nagornyy O., Koltsova O. (2017) Digital inequality in Russia through the use of a social network site: A cross-regional comparison. *Communications in Computer and Information Science* 745: 70–83. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69784-0_6

Servaes J., Carpentier N. (2006) *Towards a sustainable information society: Deconstructing WSIS*. Bristol, UK: Intellect.

Van Deursen A., Helsper E. (2015) The third-level digital divide: Who benefits most from being online? In L. Robinson, S. R. Cotten, J. Schulz, T. M. Hale, A. Williams (eds.) *Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications, Volume 10)*. Emerald Group Publishing Limited. Pp. 29–52.

Van Deursen A., Van Dijk J. (2014) The digital divide shifts to differences in usage. *New Media and Society* 16 (3): 507–526. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444813487959

Van Deursen A., Van Dijk J. (2018) The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access. *New Media and Society*: 1-22. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444818797082

Van Dijk J. (2005) *The deepening divide: Inequality in the information society*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.

Van Dijk J. (2006) Digital divide research, achievements and shortcomings. *Poetics* 34 (4–5): 221–235. DOI: https://doi.org/10.1016/j.poetic.2006.05.004

Van Dijk J. (2013) A theory of the digital divide. In Ragnedda M., Muschert G.W. (eds.) *The digital divide: The internet and social inequality in international perspective*. New York, NY: Routledge. Pp. 28–51.

Vartanova E. (2002) Digital divide and the changing political/media environment of post-socialist Europe. *Gazette: The International Journal for Communication Studies* 64 (5): 449–465. DOI: https://doi.org/10.1177/1748048520640050501

Vartanova E. (2013) Constructing Russian media system in the context of globalization. *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*: 9–36.

Vartanova E., Gladkova A. (2019) New forms of the digital divide. In J. Trappel (Ed.) *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination.* Nordicom.

Warschauer M. (2002) Reconceptualising the digital divide. *First Monday* 7 (7). Available at: http://www.firstmonday.org/issues/issue7_7/warschauer/ (accessed: 17.06.2019).

Warshauer M. (2004) *Technology and social inclusion: Rethinking the digital divide*. London: The MIT press.

Wessels B. (2013) The reproduction and reconfiguration of inequality: Differentiation and class, status, and power in the dynamics of the digital divides. In M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.) *The digital divide: The internet and social inequality in international perspective*. New York, NY: Routledge. Pp. 17–28.

References

Acharya B. (2017) Conceptual Evolution of the Digital Divide: a Systematic Review of the Literature Over a Period of Five Years (2010–2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 1: 41–74.

Alam S. S., Abdullah Z., Ahsan N. (2009) Cyber Café Usage in Malaysia: an Exploratory Study. *Journal of Internet Banking and Commerce* 14 (1): 1–13.

Asochakov Yu. V. (2015) «Cifrovaya liberalizaciya», «cifrovoe neravenstvo» i kiberskepticizm. ["Digital Liberalization", "Digital Divide" and Cyber-Scepticism]. *Vestn. Sankt-Peterburgsk. gos. un-ta. Ser.* 12 2: 93–99. (In Russian)

Attewell P. (2001) The First and Second Digital Divides. *Sociology of Education* 74 (3): 252–259.

Avila A. (2009) Underdeveloped ICT Areas in Sub-Saharan Africa. *Informatica Economica* 13 (2): 136–146.

Bragina E. M., Orlova D. S. (2017) Preodolenie cifrovogo neravenstva v usloviyax Krajnego Severa (na primere Xanty`-Mansijskogo avtonomnogo okruga) [Overcoming the Digital Divide in Extreme North (a case study of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. *Regional'naya e`konomika i upravlenie: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal* 3 (51). (In Russian). Available at: https://eee-region.ru/article/5107/ (accessed: 17.06.2019).

Brodovskaya E. V., Shumilova O. E. (2013) Rossijskie pol`zovateli i nepol`zovateli: sootnoshenie i osnovny`e osobennosti [Russian Users and Non-Users: the Proportion and Major Characteristics]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'ny'e peremeny`* 3 (115): 5–18. (In Russian)

By`kov I. A., Hall T. E. (2011) Cifrovoe neravenstvo i politicheskie predpochteniya Internet-pol`zovatelej v Rossii [The Digital Divide and Political Preferences of Russian Internet Users]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* 5: 151–163. (In Russian)

Büchi M., Just N., Latzer M. (2016) Modeling the Second-Level Digital Divide: a Five-Country Study of Social Differences in Internet Use. *New Media and Society* 18 (11): 2703–2722. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1461444815604154

Castells M. (2001) *The Internet Galaxy*. Oxford: Oxford University Press.

Castells M. (2009) *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press.

Colombo F., Aroldi P. & Carlo S. (2015) New Elders, Old Divides: ICTs, Inequalities and Well-Being Amongst Young Elderly Italians. *Comunicar* 23 (45): 47–55.

Compaine B. (2001) *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth?* Cambridge, MA: MIT Press.

Dahlberg L. (2015) Expanding the Digital Divides Research: a Critical Political Economy of Social Media. *The Communication Review* 18 (4): 271–293. DOI: https://doi.org/10.1080/10714421.2015.1085777

Davaki K. (2018) *The Underlying Causes of the Digital Gender Gap and Possible Solutions for Enhanced Digital Inclusion of Women and Girls*. Available at: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU(2018)604940_EN.pdf (accessed: 17.06.2019).

Delicyn L. L. (2006) Problema cifrovogo neravenstva i potencial razvitiya Interneta v Rossii [The Issue of the Digital Divide and the Potentials of Internet Development in Russia]. *Informacionny`e processy`* 2: 124–130. (In Russian)

Deviatko I. (2013) Digitizing Russia. The Uneven Pace of Progress Towards ICT Equality. In M. Ragnedda & G. W. Muschert (eds.) *The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective*. NY: Routledge. Pp. 118–133.

DiMaggio P. & Hargittai E. (2001) *From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use as Penetration Increases. Princeton University. Working Papers series*. Available at: https://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15%20-%20DiMaggio%2BHargittai.pdf (accessed: 17.06.2019).

Dronov V. N., Makhrova O. N. (2015) *Cifrovoe neravenstvo Ryazanskoj oblasti* [The Digital Divide in the Ryazan Region]. Saint-Petersburg: Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i e`konomiki. (In Russian)

Fuchs C., Horak, E. (2008) Africa and the Digital Divide. *Telematics and Informatics* 25: 99–116. DOI: 10.1016/j.tele.2006.06.004

Gladkova A. (2013) Cultural Pluralism in the Russian Press: Challenges and Prospects of Development. *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*: 325–333.

Gladkova A., Ragnedda M. (2019) *Mapping Digital Divide Across Russian Regions (forthcoming)*

Galimova R. R. (2015) Sovremennoe razvitie tataroyazy`chnogo Internet-prostranstva v Respublike Tatarstan [Contemporary Development of Tatar-Language Internet Space in the Republic of Tatarstan]. In V. Z. Garifullin, R. P. Bakanov (eds.) *Informacionnoe pole sovremennoj Rossii: praktiki i e`ffekty`: sbornik statej XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Information Field of Contemporary Russia: Practices and Effects: Proceedings of the 12th International Re-

search-to-Practice Conference]. Kazan`: Kazanskij (Privolzhskij) federal`ny`j universitet. (In Russian)

Garifullin V. Z. (2013) Mesto i rol` musul`manskix SMI v informacionnom pole Tatarstana [Place and Role of Muslim Media in the Information Field of Tatarstan]. *Zhurnalist. Social'ny'e kommunikacii* 1: 120–125. (In Russian)

Garifullin V. Z. (2018) Nacional`ny`e SMI Tatarstana v usloviyax globalizacii informacionnogo prostranstva [National Media in Tatarstan in Response to the Globalization of the Information Space]. In O. F. Avtokhutdinova (ed.) *Prioritety massmedia i cennosti professii zhurnalista: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Mass Media Priorities and Values of the Journalistic Profession: Proceedings of the International Reseasrch-to-Practice Conference]. Ekaterinburg: Ural`skij federal`ny`j universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El`cina. (In Russian)

Gil`manova A. N. (2012) *SMI i novy'e informacionny'e texnologii v politicheskix processakh Respubliki Tatarstan* [Mass Media and New Information Technologies in the Political Processes of the Republic of Tatarstan]. Kazan`: Izdatel`stvo TAI. (In Russian)

Gunkel D. J. (2003) Second Thoughts: Toward a Critique of the Digital Divide. *New Media & Society* 5 (4): 499–522.

Hargittai E. (2002) Second Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. *First Monday* 7 (4). Available at: https://firstmonday.org/article/view/942/864 (accessed: 17.06.2019)

Israelashvili M., Kim T., Bukobz, G. (2012) Adolescents' Over-Use of the Cyber World – Internet Addiction or Identity Exploration? *Journal of Adolescence* 35 (2): 417–424.

Kuzneczov Yu.A., Markova S.E. (2014) Nekotory`e aspekty kolichestvennoj ocenki urovnya cifrovogo neravenstva regionov Rossijskoj Federacii [Some Aspects of Quantitative Assessment of the Level of the Digital Divide in the Regions of the Russian Federation]. *E'konomicheskij analiz: teoriya i praktika* 33: 12–23. (In Russian)

Mukhametzyanova R.R. (2015) Vizual`ny`e sredstva prodvizheniya SMI Tatarstana v social`nykh media [Visual Means for Promoting Tatarstan Mass Media on Social Media]. *Vestn. Chelyabinsk. gos. un-ta* 5: 152–157. (In Russian)

Nieminen H. (2016) Digital Divide and Beyond: What Do We Know of Information and Communications Technology's Long-Term Social Effects? Some Uncomfortable Questions. *European Journal of Communication* 31 (1): 19–32. DOI: https://doi.org/10.1177/0267323115614198

Norris P. (2001) *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887

Park S. (2017) *Digital Capital*. London, United Kingdom: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0

Poushter J. (2016) *Smartphone Ownership and Internet Usage Continues to Climb in Emerging Economies*. Washington, D.C: Pew Research Center. Available

at: http://www.pewglobal.org/2016/02/22/smartphone-ownership-and-internet-usage-continues-to-climb-in-emerging-economies/ (accessed: 17.06.2019).

Ragnedda M., Muschert G. W. (eds.) (2013) *The Digital Divide: the Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, NY: Routledge.

Ragnedda M. (2017) *The Third Digital Divide: a Weberian Approach to Digital Inequalities*. Routledge.

Ragnedda M. (2018) Conceptualizing Digital Capital. *Telematics and Informatics* 35: 2366–2375. DOI: https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006

Ragnedda M., Kreitem H. (2018) The Three Levels of Digital Divide in East EU Countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 4: 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1

Rainie L. (2016) *The Digital Divides 2016*. Washington, D.C: Pew Research Center. Available at: http://www.pewinternet.org/2016/07/14/digital-divides-2016/. (accessed: 17.06.2019).

Rykov Y., Nagornyy O., Koltsova O. (2017) Digital Inequality in Russia Through the Use of a Social Network Site: a Cross-Regional Comparison. *Communications in Computer and Information Science* 745: 70–83. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69784-0_6

Servaes J., Carpentier N. (2006) *Towards a Sustainable Information Society: Deconstructing WSIS*. Bristol, UK: Intellect.

Smirnova O.V. (2009) Feminizaciya Interneta: tendencii i prognozy` [Feminization of the Internet: Trends and Predictions]. *Mediaskop* 1. (In Russian). Available at: http://www.mediascope.ru/feminizaciya-interneta-tendencii-i-prognozy` (accessed: 17.06.2019).

Smirnova O. V. (2017 a) Cifrovoe neravenstvo v nacional`nom kontekste stran SNG [Digital Divide in the National Context of the CIS Countries]. *Vek informacii* 2: 237–238. (In Russian)

Smirnova O. V. (2017 b) Cifrovoe neravenstvo v stranax SNG: aktual`ny`e podxody` k analizu situacii [Digital Divide in the CIS Countries: Current Approaches to the Situation Analysis]. *Mediaalmanakh* 6: 26–33. (In Russian)

Sparks C. (2013) What Is the 'Digital Divide' and Why Is it Important? *Javnost – the Public* 20 (2): 27–46. DOI: https://doi.org/10.1080/13183222.2013.11009113

Sy`chenkova A. V. (2016) Internet-texnologii v politicheskoj zhizni regiona (na primere Respubliki Tatarstan) [Online Technologies in the Political Life of a Region (as exemplified by the Republic of Tatarstan)]. *PR i reklama v izmenyayushhemsya mire: regional'ny'j aspect* 15: 62–71. (In Russian)

Van Deursen A., Helsper E. (2015) The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online? In L. Robinson, S. R. Cotten, J. Schulz, T. M. Hale, A. Williams (eds.) *Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications, Volume 10)*. Emerald Group Publishing Limited. Pp. 29–52.

Van Deursen A., Van Dijk J. (2014) The Digital Divide Shifts to Differences in Usage. *New Media and Society* 16 (3): 507–526. DOI: https://doi.org/10.1177/ 461444813487959

Van Deursen A., Van Dijk J. (2018) The First-Level Digital Divide Shifts from Inequalities in Physical Access to Inequalities in Material Access. *New Media and Society*: 1–22. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444818797082

Van Dijk J. (2005) *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.

Van Dijk J. (2006) Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings. *Poetics* 34 (4–5): 221–235. DOI: https://doi.org/10.1016/j.poetic.2006.05.004

Van Dijk J. (2013) A Theory of the Digital Divide. In Ragnedda M., Muschert G.W. (eds.) *The Digital Divide: the Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, NY: Routledge. Pp. 28-51.

Vartanova E. (2002) The Digital Divide and the Changing Political/Media Environment of Post-Socialist Europe. *Gazette: The International Journal for Communication Studies* 64 (5): 449–465. DOI: https://doi.org/10.1177/1748048 5020640050501

Vartanova E. (2013) Constructing the Russian Media System in the Context of Globalization. *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*: 9–36.

Vartanova E. L. (2018) Konceptualizaciya cifrovogo neravenstva: osnovny`e etapy [Conceptualizing the Digital Divide: Major Stages]. *Mediaal'manakh* 5: 8–12. (In Russian). DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.812

Vartanova E., Gladkova A. (2019) New forms of the digital divide. In J. Trappel (Ed.) *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination*. Nordicom.

Volchenko O. V. (2016) Dinamika cifrovogo neravenstva v Rossii [Dynamics of the Digital Divide in Russia]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny*` 5: 163–182. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10

Warschauer M. (2002) Reconceptualizing the Digital Divide. *First Monday* 7 (7). Available at: http://www.firstmonday.org/issues/issue7_7/warschauer/ (accessed: 17.06.2019).

Warshauer M. (2004) *Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide*. London: The MIT press.

Wessels B. (2013) The Reproduction and Reconfiguration of Inequality: Differentiation and Class, Status, and Power in the Dynamics of the Digital Divides. In M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.) *The Digital Divide: the Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, NY: Routledge. Pp. 17–28.

Zherebin V. M., Makhrova O. N. (2015) *Cifrovoj raskol mezhdu pokoleniyami* [The Digital Divide Between Generations]. FE`S: Finansy` e`konomika strategiya 4: 5–9. (In Russian)

Поступила в редакцию
01.02.2019